

ЛЕВ АДОЛЬФОВИЧ ОЗЕРОВ (1914–1996)

София Кугель

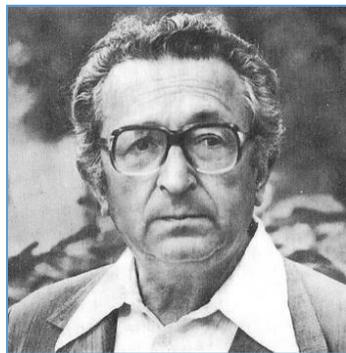
«Мне хотелось быть не столько ярким, сколько полезным...»

Лев Озеров

На клочке бумаги остались мелко наискосок написанные строчки:

Сны свои не доглядел,
Не доделал сотни дел,
Жизнь свою не дожил...

Итог, подведенный на излёте дней человеком, который неутомимо и плодотворно трудился всю жизнь. И которого роковая болезнь настигла внезапно, безжалостно перечеркнув все замечательные творческие планы, рассчитанные ещё на одну долгую жизнь. Поэт, критик, переводчик, издатель, профессор Литературного института, он был одним из старейшин нашей литературы.

Лев Озеров

Слагать стихи ему было так же естественно, как дышать и ходить. Они возникали из всего, что касалось его глаз и души. Удивительных глаз и удивительной души Поэта милостию Божией. И при этом им сказано: «Каждое стихотворение — неожиданность. Ожиданием неожиданности предстает день поэта. Со стороны это кажется привлекательным и даже таинственным. Но это — адова работа. Круглосуточная вахта. Да еще у самого сердца». Он был блистательным знатоком и популяризатором поэзии Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Некрасова, Фета. Считал их своими учителями по XIX веку. Ахматову, Пастернаку. Асеева, Сельвинского, Светлова — наставниками по веку XX. "Всю жизнь я старался оплатить счета, выданные мне в юности. Ибо без привязанностей, проходящих через всю жизнь, нет самой жизни», — сказал он в предисловии к своей последней прижизненной книге «Страна русской поэзии» — книге о поэтах.

Лев Озеров вошёл в русскую литературу не только собственным творчеством. Литературоведы отмечают, что после Валерия Брюсова и Павла Антокольского никто из поэтов только что минувшего столетия не сделал столько для того, чтобы чужое, не им сказанное поэтическое слово пришло к читателем и дошло до них. Он подготовил массовые переиздания наших поэтов-классиков, писал к ним страстные вступительные статьи, обширные комментарии. Много времени и сил потратил, добиваясь выхода в свет стихов поэтов, которые были обделены при жизни вниманием и кому после смерти грозило полное забвение. Это М. Зенкевич, П. Семынин, Г. Оболдуев, А. Кочетков,

Опубликованная в 1959 году в «Литературной газете» статья Л. А. Озерова «Стихотворения Анны Ахматовой» была первым отзывом о её поэзии после долгих лет замалчивания. «Прорывом блокады» назвала её сама Анна Андреевна.

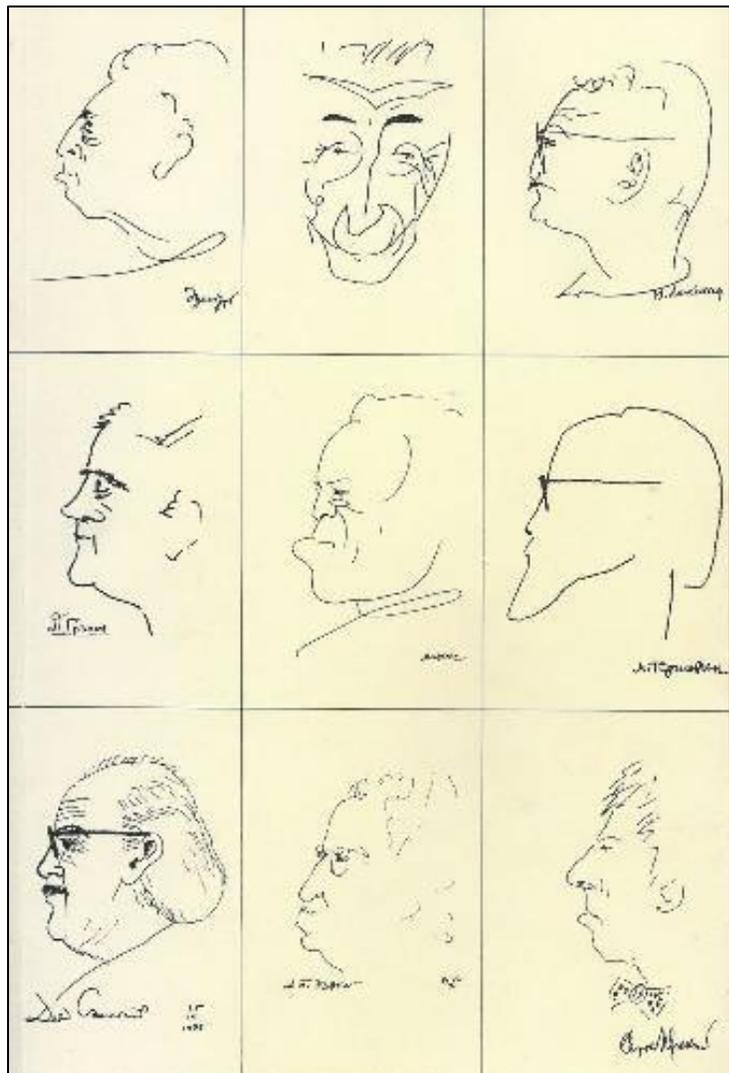
После смерти Бориса Пастернака Озеров по собственной инициативе отважился взять на себя труд подготовки первого научного издания его стихотворений для Большой серии «Библиотеки поэта». В дневнике К. И. Чуковского (1962 г.) есть такая запись: «Был у меня Озеров — редактор стихотворений Пастернака, замученный Пастернаком. Слишком уж это тяжёлая ноша».

С помощью Льва Адольфовича увидели свет стихи И. Сельвинского из заветной «синей папки», которые писались «в стол» и которые Л. А. назвал «отдушиной, необходимостью, потребностью души, её криком».

Возможно ли перечислить всех молодых поэтов, которым именно Лев Озеров помог пробиться с первыми стихами? Скольким из них он написал предисловие к первому сборнику, подбодрил рецензией, добрым советом!

Следует вспомнить основанную Л. А. «Устную библиотеку поэта», соединившую авторское чтение с актёрским. Прожила эта библиотека тринадцать лет. Триста вечеров, триста «звуковых книг, триста авторов, многих из которых не печатали в те времена.

А циклы поэтических передач на радио? А его бесконечно увлекательные вечера памяти поэтов, на которых слушатели забывали о времени? Кажется, никто лучше и бескорыстнее не говорил о своих собратьях по перу.

Обложка книги Л. Озерова «Портреты без рам»

основу каждого из которых положен драматический эпизод в жизни героя.

Неутомимый просветитель, он служил только русской словесности, не примыкая ни к каким литературным группировкам. Именно поэтому на его 80-летний юбилей в Дом литераторов с поздравительными адресами пришли представители обоих отделений расколовшегося писательского Союза.

Архив Озерова кажется необъятным. С уверенностью можно сказать, что его освоение сулит немало интересных находок и открытий. Уже после его кончины издано несколько книг, в том числе «Портреты без рам». Это цикл зарисовок-воспоминаний в новом литературном жанре – документального поэтического портрета. Словесные портреты примечательных друзей-современников дополнены графическими портретами его работы – Л. А. прекрасно рисовал. Бабель, Олеша, Светлов, Шаламов, Квитко, Паустовский, Заболоцкий, Фадеев, Фаворский, Шостакович, Прокофьев, Меерхольд, Коонен... – поэты, писатели, художники, артисты. Пятьдесят портретов, в

ЛЕВ ОЗЕРОВ

Стихи разных лет

Стихи, что лава. Пусть течёт она.
Не дай остыть ей. Пусть течёт в избытке.
Когда придут иные времена,
Её на равные нарежут плитки.

Раздвигаю звучанье души до звучанья органа.
Если рана болит, то на всё мироздание рана,
Если радость - она откликается в целой вселенной:
На зелёной траве, на солёной волне белопенной.
Было трудно ребёнку пройти от стены до порога, -
На житейских путях и души расширялась дорога,
И теперь моя мысль не песчинка в песке, а планета.
Ей смешны, как доказано, скорости звука и света.
Я боюсь растерять на горячих путях мирозданья
И легенды, и сказки, и детские воспоминанья,
Простодушие свирели, и песенность дудки пастушьей
И живое дыханье развеять в пустыне бездушья.
Мне, вкусившему зноя и стужи мирского простора,
До зарезу нужна эта цепкость орлиного взора,
Что объёмлет былинку и гулкую ширь океана...
Раздвигаю звучанье души до звучанья органа!

Меня тревожит жажда совершенства.
Несовершенство чувствуя своё,
Я вовсе не кляню житьё-бытьё, -
Фальшивого я опасаясь жеста
И лживого удобного словца,
Что заменяет истину на сутки,
Что прячет искренность за прибаутки,
За шуточки лукавого льстеца.
Мне беспощадность к самому себе
Нужна как школа, как её ступени.
Бахвальство пусть сменяется смятеньем,
Смятенье – трезвой выдержкой в борьбе,
Уверенностью, волей. Может стать,
Удастся мне настойчивым трудом
Коснуться потолка одним крылом,
Одной строкою в памяти остаться?

Имеется у мастеров
Особый дар прикосновенья,
И это –лучший из даров,
И выше нет вознагражденья:
Дотронуться, оставить след
Своей единственной природы
На много дней, на много лет
На белизне клавиатуры,
На глине, мраморе, стекле,
На арфе, на листе бумаги, -
И это знак твоей отваги
В час пребывания на земле.

Бывает, на исходе лета
Покажется – весна жива,
Ещё земля листвою одета
И зелена ещё листва.

Но в этой зелени дозрелой,
Особенно погожим днём,
Одна берёзка в роще целой
Осенним схвачена огнём.

И в этой роще, с виду летней,
Почуяв первый зимний дух,
Она пылает всех заметней
И раньше всех своих подруг.

Так, без оглядки на природу,
Но горестный предвидя миг,
Я так же чувствую невзгоду
И раньше и больней других.

Я жил в чужие, не мои года,
Мне атмосфера их была чужда,
Я не туда попал, казалось мне.
Какой разор, какой разлад в стране,
Не ведающей своего пути.
Слепец, не знал я, как себя найти,
Плутая, спотыкаясь иногда.
Я жил в чужие, не мои года.

Я заброшен в эту эпоху,
В эту волглую полутьму,
В этот край, негодный Богу
И подвластный ему одному.

Я заброшен судьбой или роком,
То ли другом, то ли врагом
Между Западом и Востоком,
Между святостью и грехом.

Не в свою родившийся пору
И почтивший за благо нужду,
По зеркально-паркетному полу,
Как по минному полю, иду.

Я встал ещё до рассвета
И в дымке подумалось мне,
Что нет на свободу запрета,
Особенно по весне.

Нам обрубали крылья –
Мы пели песнь топору.
Мы так привыкли к насилью,
Как не привыкают к добру.

Если дождь переходит в снег,
Если снег переходит в лёд,
Это светлые дни для всех,
Человечен такой переход.

Современники страшных дел,
Соплеменники странных лиц,
Мы извели беспредел
В казематах, в стенах больниц.

Разве можно, чтоб каждый год
Нёс нагрузку трёх и пяти?
Для каких же таких свобод
Море крови должны мы пройти?

«Чёрная книга» - это не книга,
Это следы эпохального сдвига
В жизни всего человечества. Это
Повисший над бездной вопрос без ответа.

Весна. Конец тысячелетья.
Позорище враждебных сил.
Ругательные междометья.
Боеголовки. Рак. Тротил.
Я от тебя не отвратил
Такой напасти. Это время
Не для любви. Но всё ж я с теми,
Кто в эти дни любил.

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности прорвутся сами.

Серости на белом свете нет,
Серость – это ваше нерадение,
Невнимание, усталость лет,
Ваше настроение осеннее.

Где для вас невнятное пятно, -
Для меня цветут долины маково,
Всё едино, но не всё одно,
Всё едино, но неодинаково.

И хотя уважаю
В огне закалённую дружбу,
Я сверхсрочник любви,
Я оставлен на вечную службу.

- Ты слышишь меня?
- Я не слышу тебя,
Слушаю, но не слышу...
Падает дождь, падает дождь,
Падает дождь на крышу.

- Если я не услышу тебя,
Не дотяну до рассвета...
А рассвет идёт,
Шаги торопя.
Как пережить мне это?

Падает дождь,
А за дождем,
Как ожидают чуда,
Ответа мы ждём,
Ответа мы ждём.
Ответа мы ждём.
Откуда?

Падает дождь, падает дождь,
Падает дождь на крышу.
- Ты слышишь меня?
- Я слышу тебя,
Слышу тебя, слышу...

Мне кажется, что от меня
К тебе идут в часы разлуки
В ночной тиши, при свете дня –
Радиоволны, токи, звуки,
И от тебя идут в ответ
Радиоволны, звуки, токи,
Какой-то негасимый свет
И весть, что мы не одиноки,
Что происходит разговор,
Который мы, увы, не слышим.
Не говори, что это вздор,
Нет, это воздух. Им мы дышим.

Ты запрети мне так неугомонно
Без передышки думать о тебе
До самоотречения, до звона
В ушах, до отворачивания к судьбе,
Что мне дала на позднем перегоне
Такой сюжет, такую благодать,
Такую муку. Отдохните, кони!
Зачем так необузданно скакать,
Зевая сшибая на большой дороге?
Ты запрети мне в горестной мольбе,
Ты запрети мне в смутной ворожбе,
В блаженстве, в сумасшествии, в тревоге
Ты запрети мне думать о тебе.

Пульсирует время. Упорно
Пульсирует время. Пока
Пульсирует время, валторна
Свой зов посылает в века.
Покуда пульсирует время,
Покуда валторна зовёт,
Клубится вселенская темень,
Душа совершает полёт
К таким галактическим высям,
Куда не проникнуть умом.
Ужели наш ум независим?
И много ль мы знаем о нём?

Я думаю о простом,
Но думы мои бесполезны:
Каким таким шестом
Оттолкнуться от бездны,
Оттолкнуться от тьмы
И плыть в направлении к свету?
Какие усилия мы
Тратим, чтоб кануть в Лету!

Мы все кончаемся в начале
Какого-то куска пути,
Который людям завещали
Без нас по-нашему пройти.

И невозможно нам проверить,
Как выполняют наш завет,
И остаётся только верить
В ту даль годов, где нас уж нет.

Перед смертью жизнь немного медлит,
Будто бы вода над водосбросом,
Медлит и не хочет падать в бездну,
Но, отчаясь, падает...

Из книги «Портреты без рам»

ФАДЕЕВ ¹

Чем белей были волосы,
Тем сильнее краснота лица проступала.
Он говорил каким-то придушенным голосом
Дальневосточного провинциала.
Трудно писать о Фадееве.
— Сан Саныч, можно к вам?
— А почему бы и нет.
Ах, какой кабинет!
Сам Сталин звонит.
Из фаворитов фаворит.
Он читал рукописи, книги,
Он встречался с людьми,
Он хотел им помочь
И помогал.
И это, оказалось, недостаточно.
Я никогда не просил его ни о чём.
Начальство я обходил.

Но сильно столкнулись в дни войны,
Вернее, в одну из ночей.
В «Комсомольской правде», на четверге.
После вечера встречи с Фадеевым
Мы остались вдвоём с ним
И проговорили до утра.
— Я не дописал своего «Последнего из удэге».
Он был готов у меня вне текста,
Текст предстояло мне дописать, —
Три месяца или полгода,
Но на дворе какая погода —
Война, блокада.
И Сталин послал меня в Ленинград.
Я написал книгу,
Которая не удалась,
Потому что меня звал «Удэге».
Я не разродился
И погиб...

¹ Портрет не был окончен, напечатан по черновику.

Но неокончательно.
Окончательно после войны,
После смерти Сталина.
— Возвращались люди из ссылки.
Бросали в лицо мне «сволочь»,
Плевали в глаза.
Врачи запрещали мне пить —
Цирроз печени.
Мне надоело сидеть в президиуме.
Мне тошно представлять.
Мне тяжело не писать,
А числиться писателем.
Трижды я, человек женатый,
Предлагал моей любимице Клаве:
«Поедем с тобой на Урал,
Там приглядел я избушку,
Будем жить-поживать;
Там допишу я роман свой
«Черная металлургия»
О сталеварах,
О Кополе директоре
И о рекордах металлургов...»
Она мне отказала:
«У тебя, Саша, семья».

Последний раз мы виделись с Сашей
Ранней весной 56-го года на Клязьме.
Твардовский, Петровых, Лидин, Грубиан.
Фадеев на чёрной машине,
Высокий, седой, краснолицый,
Приезжал устроить в санаторий
Дочь своего партизанского командира.
Он торопился,
Торопился делать добрые дела.
И вот выстрел в Переделкино
Из револьвера образца 19-го года.

Я думал о Фадееве.
Самоубийство не бывает по одной причине.
Человек стреляет в себя
По 12-15 причинам.
Все причины встретились,
Нет, сцепились — мертвая хватка.
Ко мне пришла Клава с грудой писем Фадеева.
Я читал их жадно.
Живой разговор, пошлость, отчаянье, вера,
Трепет.
Когда оторвался от писем,
Я поднял глаза на Клаву.
Она уже не плакала,
Все лицо её было в ручьях слёз.

Вся она была слезой.
И когда уходила —
Слезой, катящейся по лицу земли.
«Бедный Саша!» —
Сказала во французском некрологе Эльза Триоле.
Бедный Саша!
Здесь звучит жалость и сочувствие,
Боль и почитание.

Маркиш

Увидав его,
Вы могли бы сказать
Что видели Байрона:
Честь, достоинство, стать,
Печальная красота.
Он поднимал голову
И, опустив веки,
Читал, словно пел.
У него был свой Чайльд-Гарольд,
Свой Дон-Жуан,
Свой Беппо.
Он писал поэмы,
Подчас огромные,
И у него не было грехов,
Кроме одного —
Он писал на идиш.
Но он мог выражать себя
Только на идиш.
И только за это он был посажен в тюрьму,
И только за это он был расстрелян.

Все это знали,
Но об этом было не принято
Говорить вслух
И писать чёрным по белому.
Говорили и писали: умер.
Просто умер.
Понимаете — просто умер.
Зачем волновать народ?

Есть Волынь на земле.
На Волыни — Полонное.
Это дество его,
Это дед Шимшон-Бер,
Это хедер, а дальше —
Хорист, репетитор, поденщик,
Рабочий на виноградниках,
Рядовой солдат и конторщик,
Но он не любит цифирь,
А любит безмерность, -

На обороте банковских счетов
Появляются стихотворные строки.
Отсутствующим взглядом
Этот мечтатель
Впивается не в лица просителей,
А в Галактику.
Много поздней в беглой беседе:
- Вы держите крепко былинку в руке,
А я держу землю.
Держу шар земной.
Грандиозное я приемлю,
Впрочем, и ваша былинка со мной.

Мы долго не виделись.
Я увидел его на портрете Лабаса.
- Это он, он,
Это Маркиш, он ждёт рокового часа,
Хотя долгожительствовать рождён.
На ярой его заревой красоте
Отсвет заката.
Яркость истаивает в глухой темноте,
Откуда никто не знает возврата.
Вдова наводила справки о муже,
Об его архиве, забранном при аресте.
Вдова прошла по длинным коридорам
Седьмого этажа,
Тем коридорам, по которым
Давно прошла её душа.
Ей доставалось прежде:
Приёмная, окошко, передачи.
А здесь теперь она по приглашению.
Генерал Борисоглебский
Галантно говорит ей:
- Вы догадываетесь, зачем я побеспокоил вас?
- Нет. Слушаю.
- Могу вам сообщить,
Что муж ваш реабилитирован.
- Где он?
Фраза была пприготовлена и обкатана:
- Он расстрелян врагами народа.
Генерал предложил вдове Маркиша
Заготовленный стакан воды.
- Хочу прочитать его дело.
- Но ведь вы не юрист.
- Где могила мужа?
- Нет у него могилы...

Прошло ещё время,
И вот телефонный звонок:
- За нами должок,
Говорят из КГБ,

Из финансового отдела.
- Какой должок?
Вы вернули мне деньги,
Которые я передовала мужу,
Но которые он не получил.
Пауза. Вдох. Выдох.
- Вам причитается за зубы.
- Какие зубы?
- За золотые коронки.
Не своим голосом
Вдова закричала.
Выбежали люди в коридор
И подхватили её,
Упавшую к ним на руки.
Белизна и безмолвие обморока.
А телефонная трубка
На витом проводе,
Шаря по стене,
Раскачивалась как маятник,
Отсчитывая наше гиблое время.

